

Потом я уже ничего не боялась

Мой отец, латыш из-под Риги, профессиональный садовник. До войны работал в исполкоме Шлиссельбурга, занимался озеленением города. На берегу Невы у нас был свой дом. После войны мы с трудом нашли это место по остаткам кустов роз.

Недалеко от дома был еловый лес петровских времен. После войны здесь не осталось ни единого дерева.

6 сентября 1941 года, не встретив никакого сопротивления, в Шлиссельбург въехал на мотоциклах передовой отряд немцев. Перед их наступлением моя семья (отец, мама, три сестры, брат и я), как и все жители правого берега Невы, бежали из города поближе к Ленинграду. Бежали без вещей, в чем есть, надеясь вскоре вернуться в свои дома. Вместе с нами бежали и наши солдаты. Мама говорила: «Защитники тоже бегут!». Немцы стреляли трассирующими пулями. Но тогда еще был лес, и это спасло многих.

Мы добрались до станции Каменка (ныне Радченко), недалеко от станции Дунай.

8 сентября 1941 года в Шлиссельбург вошли немецкие танки. Кольцо блокады замкнулось.

На станции Каменка был создан лесоучасток, куда были мобилизованы все работоспособные. Мои старшие сестры (17 и 20 лет) работали на трелёвке леса. Отец правил пилы. Брат работал на заводе им. Воскова в Сестрорецке, был на казарменном положении.

Осень 1941 года — золотая, тихая. И каждый вечер ровно в 19:00 над нами с тяжелым воем пролетали немецкие эскадрильи, по 6—9 самолетов. Они летели бомбить Ленинград. Оттуда было видно громадное зарево. Горели бадаевские продуктовые склады (их разбомбили в первую очередь).

У нас, беженцев, не было ни лишней одежды, ни вещей, ни мебели. Голод начался почти сразу, в октябре.

На лесоучастке вырыли землянки. В них жили лесорубы. Было много ленинградцев, в основном женщины. Все работающие считались военнообязанными.

Зима 1941/42 годов — лютые морозы, до минус 40 и ниже. Это было горе. Но это было и благо. Замерзло Ладожское озеро, открылась ледовая дорога.

На дорогах лежали тела умерших, иногда с отрезанными мягкими частями. Пропадали дети — это было людоедство. Заглушая голод кипятком, люди пухли; трескалась кожа на

лице, руках и ногах. От дистрофии лица женщин (брюнеток) обрастали волосами.

Тем не менее работа в лесу — свежий воздух и движение — спасала жизнь. В столовой рабочих заставляли есть луб молодых сосен — от цинги.

На берегах речки наскоро вырыли землянки. Там поселили беженцев, пришедших позднее. Все они умерли зимой от голода и холода.

Холод заставлял людей наматывать на себя любое тряпье, из-под которого глядели безумные горящие глаза. Отличить мужчину от женщины было невозможно.

К нашей землянке каждый день приходила женщина по имени Фаина из этих речных землянок. Двое детей Фаины там и умерли. Муж ее умер на дороге, возвращаясь с работы. Она часами стояла под дверью и, глядя в прорезанное в двери маленькое окошечко, повторяла одну и ту же фразу: «Дайте кусочек хлеба». Мама прогоняла ее и плакала — хлеба у нас не было.

Мамочка (вечная ей память!) заставляла нас с сестрой Машей (13 лет) двигаться, вытаскивала на улицу «подышать».

В землянках было очень сыро. Кто ложился надолго, уже не мог встать.

Наша землянка была вырыта в лесу. Маму предупредили, чтобы она не оставляла меня на улице одну. Я сама видела, как из-за деревьев кто-то безумным взглядом следит за нами.

Чтобы спасти нас, мама давала нам чай (военные подарили!) и заставляла облизывать пальчики, обмакнув их в соль.

В январе — феврале 1942 года открылась Дорога Жизни, и в первый раз мы получили по карточкам настоящий хлеб. С корочкой! Мама смотрела, плакала и не решалась его резать. До этого иждивенцам выдавали по 125 граммов хлеба в день (один кусочек). Но это был не хлеб, а комок мякины с добавкой молотой древесной коры; у этого хлеба не было корки.

Вместо сахара по карточкам выдавали черные «ириски» из сгоревшего сахара, смешанного с землей и мусором, из того что можно было собрать на развалинах бывших бадаевских складов. Были еще шроты (отходы соевого производства) и кокосовый жир — вонючее серо-грязное вещество, похожее на жидкое мыло.

Неподалеку от нас, в сосновом лесу, разместили батарею с линкора «Марат». На самой

высокой сосне соорудили настил для корректировки огня. Этот настил сохранился и после войны. Моряки иногда приносили с камбуза немного перловой или пшенной каши. Однажды притащили шкуру лошади. Лошадь подохла от голода – на батарее нечем было ее кормить. Отец нарезал шкуру кусками, закоптил, а потом мелко резал и варил черный «студень».

Весна 1942 года была очень теплой. Рядом с нашей землянкой воронка. В апреле в ней всплыл мертвый солдат. Я запомнила – вздутая грудь с карманчиками на гимнастерке.

С наступлением тепла моряки и батареи получили задание взорвать все землянки, выкопанные у речки. Живых людей там не осталось. А хоронить мертвых было некому. Половодье смыло тела умерших. Следы этих землянок остались и по сей день. Там растет земляника.

Летом нашу землянку стало затоплять водой, и мы переселились в палатку.

Немцы часто сбрасывали с самолетов листовки с карикатурами на Сталина и частушками:

За два мягких калача
Продам ученье Ильича.

Были листовки-пропуска: переходите, мол, к нам, на хорошую сытую жизнь. Все мы относились к этому с иронией. К зиме мы снова стали жить в землянке.

Мужчины с трудом переносят голод. Особенно большие и высокие, как мой отец. Он умер в сентябре 1942 года.

В том же сентябре 1942-го моего брата сняли с брони и отправили на Белорусский фронт. Он ходил «за языками». Но Бог его сберег. У меня хранится присланное в 1943 году моей маме письмо с благодарностью командования за воспитание хорошего сына.

Для меня, как и для многих, самым значимым днем стало 18 января 1943 года – прорыв блокады. Мы жили вблизи линии фронта, от военных узнали, что 18 января, в пять часов утра начнется артподготовка, а затем штурм Шлиссельбурга.

К прорыву блокады прибыло большое пополнение: сибиряки-лыжники в новых белых полушубках и белых маскхалатах, высокие, сытые, веселые, здоровые.

Один из них пил у нас чай. Угостил солдатским сухариком – это было для нас настоящее пиршество. Он сказал моей плачущей маме: «Ничего, мамаша, мы еще кофе будем пить в Берлине!». Почти все эти замечательные парни полегли при штурме.

Мои старшие две сестры были отправлены на погрузку раненых. Потом они нередко кричали во сне по ночам. Обе они (вечная им память!) были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Брат мой стал кадровым офицером. Он умер в Риге в 1992 году.

Моя мама, вырастившая пятерых детей и сохранившая их в блокаду, до последних дней своей жизни (она скончалась в 1977 году) не получала от государства ни рубля, так как не имела стажа работы – значилась домохозяйкой.

Став геологом, пройдя в студенческие годы трудную практику на Дальнем Востоке, а потом работая в безлюдных районах Сибири, я не боялась ни порогов, ни тяжелых маршрутов. Вероятно, все ужасы и страхи я уже пережила в своем блокадном детстве.

Не приведи Господь никому такое увидеть и пережить. Даже нашим недругам.

Лидия Фрицевна Штейн (род. 1931)

Род. на ст. Черная Речка напротив г. Шлиссельбург. Все время блокады прожила на лесоучастке на ст. Каменка (ныне Радченко) – месте работы старших сестер и отца. В 1955 г. окончила геологический факультет ЛГУ. До 1997 г. работала во ВСЕГЕИ в отделе геологии и полезных ископаемых Сибири начальником партии и геологом первой категории. Соавтор публикаций и отчетов по стратиграфии, формационному анализу, алмазности. Участвовала в составлении шести листов Гостеолкарты масштаба 1 : 1 000 000 по Сибири и Якутии. Провела 25 полевых сезонов в Сибири, чаще всего в Якутии. Почетный геолог Якутии. Награждена медалью «Жителю блокадного Ленинграда», а также медалью Якутской республики к 60-летию Победы.

Текст приведен по изданию «Ветераны помнят» (СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. С. 93–96).